

О. П. Мурашева, И. О. Косенкова

Взаимодействие ключевых образов света и тьмы в лирике К. В. Васильева

Статья посвящена ключевым образам лирики К. В. Васильева – образу света и образу тьмы. Взаимодействие этих образов в контексте, выражающееся в их противопоставленности и объединении, представляется одним из языковых средств создания ключевых образов. Основываясь на анализе поэтических текстов, авторы статьи приходят к выводу о значении указанных ключевых образов для идиостиля и поэтического мировоззрения К. В. Васильева.

Ключевые слова: взаимодействие, ключевой образ, контекст, лирический герой, микрообраз, объединение, противопоставленность, свет, семантика, тьма.

O. P. Murashiova, I. O. Kosenkova

Interaction of Key Images of Light and Darkness in Lyrics by K. V. Vasiliev

The article is about the key images in K. V. Vasiliev's poetry, the image of light and the image of darkness. The key images in poetry can be created by linguistic means, one of the means is interaction of the images in context, opposition or consolidation. Basing on the analysis of lyrics the authors of the article make the conclusion about the meaning of the key images concerning K. V. Vasiliev's individual style and poetical world-view.

Keywords: interaction, key image, context, a lyrical hero, microimage, consolidation, opposition, light, semantics, darkness.

Рассматривая ключевые образы света и тьмы в лирике Константина Васильева, следует обратить внимание на противопоставленность и объединение ключевых образов, служащие для их создания (наряду с функционированием слов-элементов семантических полей *свет* и *тьма*, изобразительно-выразительными средствами и синэстезией). Известно, что художественный образ – «категория эстетики, характеризующая особый присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности» [4, с. 252], поэтому образы света и тьмы в лирике К. В. Васильева представляют собой многомерные и многоплановые художественные конструкции, вступающие во взаимодействия и определяющие структуру поэтической реальности автора, и являются ключевыми образами. Каждый из них содержит ряд элементов-микрообразов, рассмотрение которых позволяет выявить различные внутренние особенности ключевых образов. Выявлены следующие микрообразы света: благая сила, энергия; направляющий луч; свет, идущий из естественного источника; свет, происходящий из искусственного (рукотворного) источника; духовный свет, истина; внутренний свет; духовная опора личности; отраженный свет, отблеск; белизна, чистота. Среди микрообразов тьмы – неопределенность; пелена, темнота; ночь; локальное средоточие

тьмы; изображение, рисунок на поверхности; совокупность предметов черного цвета и темных субстанций; опасное сверхъестественное явление; покой, умиротворение; мрачная стихия, безрадостная сила.

Во многих стихотворных текстах К. В. Васильева прослеживается взаимосвязь ключевых образов света и тьмы, противопоставленных друг другу либо объединенных. Обращаясь к взаимодействию ключевых образов лирики, можно проследить особенности мировоззрения и мировосприятия лирического героя, в которых проявлена личная позиция автора.

Оппозиционное отношение между образами света и тьмы восходит к противопоставлению, зафиксированному в языке (антонимия) и восприятию (контраст темного и светлого, черного и белого, освещенного и неосвещенного и др.). В лирике К. В. Васильева контрастное сопоставление образов света и тьмы получает специфику из-за многомерной структуры самих образов – оппозиционными оказываются признаки и качества, присущие свету и тьме в контексте, при этом сохраняется связь между ключевыми образами и осуществляется их взаимодействие. Например, в контексте, содержащем синэстетический образ тьмы, взаимодействуют микрообразы луча (устраивающего путь и несущего информацию) и ночи, темноты:

*К свету свет через черные омуты
далеко не всегда долетит...
Может, вовсе не светишь другому ты
и никто на тебя не глядит.
Эфемерно, химерно, обманчиво
все на свете – особенно свет...
В темноте этой – светит ли нам чего?
Иль хоть кто-нибудь? – видимо, нет.
Но, быть может, не эта, а та звезда –
та, по счету последняя та,
световые сигналы сюда
посылает? – безмолвие августа,
темнота, высота, пустота. [1, с. 45]*

Лирический герой пребывает в состоянии сосредоточенной скованности; синэстезия показывает, что тьма принесла состояние несвободы – душа оказалась окутана тишиной, упоминание высоты подразумевает сильную отдаленность горного мира. Тем не менее, стремление к свету может помочь проникнуть сквозь тьму – лирический герой настойчиво вглядывается в небо (...не эта, а та звезда – та, по счету последняя та...).

В другом примере микрообраз ночи воспринимается лирическим героем как опасная сущность:

*Да, нынче – ночь. Такая как всегда –
как никогда она меня страшит.
А среди ветвей запуталась звезда,
и как она, несчастная, дрожит! [1, с. 17]*

Образ света в контексте – запутавшаяся напуганная звезда – представляет свет как хрупкую, уязвимую сущность, нуждающуюся в защите; даже свет может запутаться, заблудиться во тьме – прекратить движение. Образ тьмы, оставившей свет, заставляет переживать страх.

В плане рассмотрения оппозиционных отношений ключевых образов света и тьмы важно следующее стихотворение К. В. Васильева:

*Смерть-старуха в мое окно
заглянула из-под руки.
Впрочем, в комнате так темно,
что и ей не видать ни зги.
И спокойно идут на дно
светляки мои, светляки.
Ничего же не решено,
если может – помоги.
И какие у нас дела
впереди – я не знаю сам.
Хоть давно уж сгорел дотла,
но тянусь я к твоим глазам,
ибо светятся в темноте
и сияют – не знаю где [1, с. 282].*

Лирический герой ощущает упрочивающуюся власть тьмы, ее вторжение в его пространство,

обволакивание темнотой. Тьма оказывается вне привычных категорий реальности (жизнь-смерть, время). Примечательно использование слова **светляк** – «небольшой жук, светящийся в темноте» [5, т. 13, с. 345]; в контексте светляки символизируют возможные источники света, когда-то доступные лирическому герою, но погружающиеся во тьму, которая оказывается не чуждой им. Они будто выгорели, как и сам герой (духовно сгорел дотла); тем не менее, не наступает апатии, смирения перед духовной темнотой, лирический герой продолжает стремиться к свету. Это нематериальный свет – такой, который неподвластен темноте; это благодать души, символом которой выступают глаза. В примере сгруппированы глаголы с семой свет, за счет чего повышена активность образа света, к которому стремится лирический герой. Такой свет, струящийся из души, не принадлежащий материальному миру и не имеющий четкой локализации (сияют – не знаю где), помогает преодолеть отчаяние (сгорел дотла) и зовет вперед и ввысь – к истине. В контексте прослеживается параллелизм образов света: источники материального света конечны, источники же света духовного прочны и постоянны.

Исчезновение света от естественного источника соседствует с образом пугающей тьмы:

*Сквозь слезы увидят – в холодном тумане
едва различимая, тает луна ...
Во мраке зловецем стремятся к слякню
и осень, и смерть, и война [1, с. 243].*

Лирический герой подчеркивает, что свет отступает постепенно, глаголом таять. Надежда на возвращение света очень слаба (сквозь слезы). Светило будто покорилось неизбежному. То, что происходит во мраке зловецем, напоминает разговор против света и в материальном, и в нематериальном мире.

В художественном пространстве лирики К. В. Васильева ключевые образы света и тьмы могут сблизиться и оказаться объединенными, что позволяет проявиться и усилиться их признакам и особенностям.

Образ света может быть расположен внутри образа тьмы:

*А ведь и здесь звучали речи
друзей в ночи,
и озарялись руки, плечи
огнем в печи [1, с. 268].*

В последнем примере огонь локализован в печи, разожженной ночью в доме, где собрались

люди; передана связь между светом и тьмой, подчеркнута позиция человека как связующего элемента, который нуждается в свете, чтобы существовать с темнотой.

Поэт проводит параллели *свет – душа, темнота – безлюдье*:

Ты и не знаешь, на что я надеюсь.

Сам я не знаю, сам я не знаю.

Только ведь свет и в такой темноте есть.

Есть и душа на безлюдье родная. [1, с. 168]

Лирический герой не позволяет отчаянию войти в душу, веря в то, что внутри тьмы можно найти свет, а одиночество можно преодолеть.

Примечательно, что образы света и тьмы в контексте могут быть сближены за счет синэстезии; восприятие лирического героя в определенный момент стирает границу между ними благодаря разноплановым ощущениям и впечатлениям, например:

*И только здесь – под россыпью огней
так холодно, так ясно, так темно* [1, с. 160].

По всем приметам осень на носу:

вот ночью – холодно, туманно, звездно,

а днем глухая тишина в лесу.

Прощаться рано, а встречаться поздно.

Легко ли верить, мыслить, наблюдать?

Но тяжести сегодня нет в помине,

и я заполнил летнюю тетрадь

строкой, оборванной на половине... [1, с. 107].

В контексте слово категории состояния *звездно* – элемент семантического поля *свет* – присутствует в значении «об обилии звезд на небе» [5, т. 6, с. 669]. Ночь в представлении лирического героя сочетает туман на земле и обилие звезд в небесах; свет и тьма сближаются, гармония явлений внешнего мира передается душе (*тяжести сегодня нет в помине*). *Верить, мыслить, наблюдать* – таким было бытие лирического героя. В определенный момент его душа обращается к творчеству и становится источником духовного света, приобщаясь к истине и вечности; но даже в творчестве сложно выразить открывшуюся истину *строкой*, которую приходится обрывать *на половине*, даже сильное вдохновение не позволяет полностью передать сакральное знание.

Лирический герой в контексте способен ощутить самого себя светом и тьмой:

Это же не во сне –

вижу себя извне.

Сам я и есть – жара.

Сам я и лед звенящий.

Сам я и свет, и тьма [1, с. 259].

Синэстезия в указанном примере позволяет передать внутренние противоречия души, ее сложную природу. Человек наполнен духовным светом, но становится и средоточием нематериальной тьмы; свет внутри устремляет к истине, тьма – источник сомнений, повергающий в оцепенение.

Объединение в контексте образов света и тьмы может наделить образ тьмы динамикой и раскрыть его противоречивую природу:

Великая царит повсюду тьма.

Она б давно свела меня с ума,

Когда б не знал, что тьма бежит от света –

И к свету устремляется сама! [1, с. 113]

Тьма, с точки зрения лирического героя, избегает света – энергии, истины, ясности, но стремится к нему, иначе жизнь души утратила бы смысл, стала бы невозможной.

Образы света и тьмы способны объединяться и как опасные в восприятии лирического героя – негативные – явления окружающего мира:

*Словно бы сказано: «Здравствуй, брат,
нет между нами здесь баррикад,*

но между нами – мрак...»

Подлинный мрак, но костры горят.

Возгласы, вопли: «Попался, гад!

Перестрелять собак!» [1, с. 117]

*Вечный расстрел, пытка, дележ –
все началось уже.*

Блока лицо – белое сплошь –

и Маяковский, красный Гаврош ...

Этот костер страшно хорои,

страшная тьма в душе! [1, с. 117]

В примере слово *костер* использовано и в переносном значении «о чем-либо, несущем смертельную опасность кому-либо, угрозу жизни, благополучию и т. п.» [3, т. 8, с. 529]; костер предстает символом глобальных перемен, несущих опасность и угрожающих гибелью, становится символическим источником грозного, пугающего, разрушающего света; костры освещают ужасные явления, такой свет не борется с мраком, но укрепляет его. Подразумевается рукотворная угроза – это делает ее особенно серьезной и причиняет лирическому герою большие страдания. Костер как объект художественного пространства выполняет ограничительную функцию, отмечают границу – но она оказывается между личностями и представляется прочнее,

чем баррикады. Костер, который *страшно хороши*, – также «пожар революции», он может вызывать восторг, но не освещает путь души, не приносит духовного света, в душе остается господствовать *страшная тьма* – агрессия, непонимание, невежество, все то, что противоположно творчеству и враждебно по отношению к творческой личности.

Лирический герой воспринимает связь горнего и дольного миров как вечное взаимодействие материи и энергии, состояния *земли* (и лежащего в ней *зерна*) и *горения* (испускания света и стремления к свету), например:

*Мы в твердом воздухе горим,
чтоб в землю лечь зерном.
Не все пути приводят в Рим,
и мир стоит вверх дном.
Мне захолустья не дано:
пусть в землю я зарыт,
но в небесах земное дно
созвездьями горит* [1, с. 173].

Прекращение земной жизни представляется переворотом, в результате которого забвение не приходит (*захолустья не дано*), стремление же к свету остается; дольный и горний мир можно сравнить с двумя сторонами медали. Максимальная погруженность в материальное (*земное дно*) оказывается выходом в *небеса*, переходом к нематериальному – свету. Материя, ставшая энергией, отпускает души – *зерна* – так же, как источник света (*созвездья*) излучает свет.

Примечательно сочетание образов света и тьмы в следующем стихотворении:

*Снова зимняя ночь. На земле тишина.
В небесах ни звезды – полнолуние.
Отливает холодным металлом луна,
мертвой медью, а может, латунью.
И латынью, на грани дремоты и сна,
на подходе к иному столетью –
золотая моя отливает луна
беззаветной, безденежной медью.
Золотые слова, на земле – медяков,
жалких сплавов дешевле намного.
Ну и пусть: доверяюсь я бедности слов
и – один выхожу на дорогу.
Там увижу, что волен, увижу, что жив,
и вернусь я в пустую хибару.
Медно-лунный оттенок, латунный отлив
так пусто к лицу самовару* [1, с. 231].

Лирический герой характеризует силу лунного света: *ни звезды*, свет полной луны настолько яркий, что затмевает звездный; темное время суток упомянуто лишь в первой строке стихотворения

– образ тьмы остается в качестве фона, сцены, вплоть до того, что его синэстетическое сочетание с образом тишины и пустоты в контексте распространяется и на образ света. Текст насыщен цветовыми обозначениями по аналогии с металлами (медь, золото) и сплавами (латунь). Наименования, связанные с медью и золотом, содержат определенную символическую коннотацию: в контексте определение *золотой* относится к явлениям небесного уровня (*золотая луна*) и нематериального порядка (*золотые слова*); слово *медяк* – к материальному миру в аспекте практического похода к явлениям. Луна отливает *мертвой, беззаветной, безденежной медью* – нематериальный мир не ведает суеты и практичности, в нем царит гармония; но это холодный спокойный мир утвержденной вечности. «Металлизированный» отраженный свет соединяет сферы мироздания, горний мир – с дольным, в душу лирического героя проникает мудрость, и жизнь оказывается невозможной без творчества (*доверяюсь я бедности слов*). Эпитет *медно-лунный* позволяет передать холод и пустоту как ощущения лирического героя, который чувствует себя одиноким и отчужденным от мира, сдержанно и спокойно воспринимая свободу и жизнь. Символом состояния лирического героя в этот момент становится бытовой предмет – *самовар*, пустой и холодный; более привычно, когда такая деталь художественного мира, как разогретый самовар на столе, обозначает радостное дружеское общение, домашнее тепло. Примечательно, что в примере вместо возможных слов «свет», «отблеск» и т. п. при описании металлического предмета с гладкой отражающей поверхностью использованы слова *оттенок, отлив* – так подчеркивается слабость, отчужденность, тщетность отраженного света, который сосредоточен на предмете, но вот-вот растворится в замкнутом пространстве *хибары*. Пребывать в материальном мире непросто – даже свету и тьме.

Оцепенение и скованность, присущие образу тьмы, могут быть связаны с таким чередованием:

*Все хорошо. Все так и быть должно.
Всему есть время, место, оправданье.
Как хорошо, когда вокруг темно –
ведь темнота есть света ожиданье* [1, с. 99].

В примере образ тьмы оказывается не противоположным, а предшествующим образу света и связан с положительными переживаниями лирического героя, ощущением гармонии.

Примечательно взаимодействие образов света и тьмы, созданное в следующем контексте при помощи оксюморонного сочетания *сиянье тьмы*, например:

*...и прямо к звездам взоры устремляя,
мы выразим себя, благословляя
сиянье тьмы, дарованное нам* [1, с. 81].

Сияньем тьмы становятся звезды – светила в ночном небе, помогающие найти путь в пространстве; в восприятии лирического героя свет – дар горнего мира, который находит нуждающихся даже сквозь тьму и ведет не только в материальном мире, но и в духовных странствиях – в поисках истины. Свет не потерялся внутри тьмы, но наполнил тьму и сделал ее своим своеобразным источником.

Таким образом, к языковым средствам создания ключевых образов относятся оппозиция образов света и тьмы в контексте и объединение этих образов. Взаимодействие ключевых образов света и тьмы в контексте лирики К. В. Васильева позволило увидеть как уже известные грани этих образов, так и новые черты. Объединение образов подразумевает их слияние, закономерное чередование – следование одного образа за другим, также соседство, соположение образов в контексте. Ключевые образы света и тьмы, пребывая в

оппозиции или будучи объединенными, относятся как к материальному миру, так и к тонкой, духовной сфере бытия и жизни души. По утверждению С. И. Кормилова, К. В. Васильев «стал... поэтом мироздания, соединив его безграничность с глубиной своей внутренней жизни, вечными ценностями бытия» [2, с. 18]. Образы света и тьмы входят в круг главнейших категорий художественного мира К. В. Васильева, ключевой образ света воплощает *энергию*, ключевой образ тьмы – *материю*. Это сила и субстанция, давшие начало жизни и мирозданию.

Библиографический список

1. Васильев, К. В. Избранное: Стихотворения, эссе [Текст] / сост. Е. А. Ермолин. – Ярославль: Ньюанс, 2003. – 320 с.
2. Кормилов, С. И. Поэтические иносказания в лирике Константина Васильева [Текст] / С. И. Кормилов // Голоса русской провинции: материалы научных докладов на V Областных Васильевских чтениях. Вып. 2 / под ред. Т. М. Рыковой, Н. Н. Пайкова, И. Г. Васильева. – Ярославль, 2007. – С. 18–28.
3. Большой академический словарь русского языка [Текст] / гл. ред. К. С. Горбачевич. – М.-СПб.: Наука. – Т. 1–14. – 2004–2010.
4. Литературный энциклопедический словарь [Текст] / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
5. Словарь современного русского литературного языка [Текст] – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР. – Т. 1–17. – 1950–1965.